

Н. ЗАПОЛЬСКАЯ

Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII века

Более десяти лет тому назад Б. А. Успенский в статье «Доломоновские грамматики русского языка: итоги и перспективы», говоря об истории изучения первых грамматик русского языка, заметил, что «доломоновские грамматики не только начали изучать – их стали находить» [Успенский 1997: 438]. По отношению к грамматикам церковнославянского языка можно сказать, что их не только продолжают изучать, но и продолжают находить. Автору этой статьи повезло обнаружить неизвестную грамматику церковнославянского языка, которая хранится в отделе рукописей ГИМ (Син. 734)¹. Грамматика содержится в сборнике XVII века: тексты предисловия и грамматики занимают листы 1-102. Водяные знаки – кувшин под полумесяцем с литерами N/FT на тулове и кувшин под полумесяцем с литерами I/PO [Дианова 1989: № 157, 158, 161] – позволяют датировать бумагу достаточно определенным временем 1631-1633 гг. В «Описании рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)», составленном Т. И. Протасьевой, эта грамматика атрибутирована как «Грамматика Мелетия Смотрицкого / с издания Евъе 1619 г./» [Описание 1973: 80]. Однако даже поверхностный взгляд на текст грамматики не оставляет сомнения в том, что речь идет не о грамматике Смотрицкого. Более внимательное знакомство с рукописью приводит к выводу, что обнаруженное грамматическое сочинение представляет собой существенную и оригинальную переработку нескольких грамматических источников, среди которых основными являются трактат «*О ѡсмихъ частѣхъ слѡва*» (далее цит. по: Ягич [1896]), Грамматика Зизания 1596 г. – *Грамматика словенска* (далее цит. по: Зизаний [1596]) и Грамматика Смотрицкого 1619 г. – *Грамматіки Славѣнска прѣвнное Сѣнтагма* (далее цит. по: Смотрицкий [1619]). Факт знакомства автора рукописной грамматики с грамматикой Смотрицкого задает лишь точку отсчета возможного времени составления обнаруженной грамматики, которое определяется как 20-ые - начало 30-х годов XVII века. В истории России это время напряженной книжно-языковой деятельности, контролируемой духовной и государственной властью: время последовательной книжной справки, сопровождавшей книгопечатание, книжно-языковой полемики как факта богословской цензуры и первых попыток создания систематического формального обучения

¹ В настоящее время осуществляется подготовка грамматики к научному изданию.

(см.: Карташев [1991: 99-109]). Однако считается, что активная и разнообразная книжно-языковая деятельность в Московской Руси этого времени не привела к появлению развернутых самостоятельных грамматических сочинений, распространение получали лишь традиционные графико-орфографические и грамматические статьи. Таким образом, ценность обнаруженного источника определяется как культурно-историческими, так и собственно лингвистическими факторами. Во-первых, эта грамматика позволяет иначе взглянуть на проблему бытования лингвистических сочинений в Московской Руси в 20-ые - 30-ые годы XVII века, а во-вторых, она является ранней репликой на грамматики Зизания и Смотрицкого, поскольку была составлена за двадцать лет до московской редакции грамматики Смотрицкого, подготовленной Иваном Наседкой и Михаилом Роговым. Соответственно, обнаруженная грамматика должна рассматриваться в «цепочке» лингвистических опытов, задающих ретроспективу и перспективу лингвистической рефлексии: трактат «**О ѡсмихъ частѣхъ слова**», Грамматика Зизания 1596 г., Грамматика Смотрицкого 1619 г. < рукописная грамматика > **Грамматика** 1648 г. (далее цит. по: [Грамматика 1648]). В круг базовых исследовательских задач входит анализ структуры грамматики и анализ отраженной в ней лингвистической рефлексии.

Анализ структуры грамматики предполагает выяснение функционального статуса текстов, сопутствующих в рукописи собственно грамматическому описанию. Описание церковнославянского языка предваряется разножанровыми текстами, в которых обосновывается «семантическая» роль грамматики как инструмента познания. В корпус текстов входят: «**Предисловіе кнѣзѣ глѣмѣи граматицѣ**» (л. 1-5 об.), в котором грамматика толкуется как «**ѹченіе к совершенію разѹма**», стихотворное послание (л. 5 об. - 6 об.), в котором утверждается, что тот, «**кто ꙗже множество разѹма своеѹмно постигнетъ, ненавыкнуѹ же /грамматики/ совершенія не достигнетъ...**», фрагмент «**Сказанія о седми свободныхъ мѹдростехъ**», в котором персонафицированная грамматика говорит: «**имѣю ключъ в рѹцѣхъ своихъ, ѡмъ же ѡверзаю двери разѹмныя**» (л. 6 об.). Особый интерес представляют два текста – **Предисловіе** и стихотворное послание.

В **Предисловіи**, написанном в форме «авторской проповеди», включающей цитатное и нецитатное пространство, неизвестный книжник говорит о причинах, побудивших его написать грамматику, и об избранном им способе написания грамматического труда. Составление грамматики предстает как духовный процесс, смысл которого раскрывается при обращении книжника к евангельской притче о талантах, свидетельствующей о необходимости правильно распорядиться полученным от Бога даром учительства:

Сего ради ѡзъ грѣшныи и недостойныи рабѣ <...> слышахъ притчю сию о ленивомъ рабѣ, ѹбохъся ꙗже во³трепетахъ и непщеваахъ себѣ, да некако ꙗже азъ не ѹсѹгѹбнѣвъ талантъ послѣднее осѹждение

получю, еще же слыша^х и притящи^х ми о семъ и глѹщихъ, тако
 нелѣпо естъ бытъ бл҃годати скрѣемѣ, тѣмъ же оубо азъ нзыска^ѣ
 ѿ многихъ коснѹхся дѣлѹ написати кнѣгъ, гл҃емѹ грамматику
 <...> (л. 5).

Ссылаясь на евангельскую притчу, книжник следует традиции, восходящей в контексте славянской книжности к Иоанну Экзарху Болгарскому, который в своем Предисловии к переводу Богословия Иоанна Дамаскина приводит притчу о талантах как обоснование своего решения «*преложити оучителскаа съказаниа*» [Ягич 1896: 33]². Способ написания грамматики также определяется традицией: задачу «*нѣбравъ ѿ многихъ воедино совокупивъ <...> написати <...> гра^матикѣ*» книжник буквально «вписывает» в цитату из Послания Иоанна Дамаскина епископу Козьме Маюмскому, в котором Дамаскин говорит об избранном им способе написания догматического сочинения: Иоанн Дамаскин – «*Моѣ оубо ѿкоже рѣхъ ничтоже, но ѿже ѿзлѣщнѣйшими ѿ оучителей потрѣженаа воедино собравъ, елика сила сокращено слово сотворю...*» = книжник – «*Моѣ же, тако же рѣхъ ничтоже, но ѿ многихъ бжѣтвеныхъ и премърыхъ свѣтлеи нѣбрана совокупѣ* напишу во исправленіе і в наказаніе словескаго ншго языка» (л. 1 об.)³.

Следующее за Предисловіем стихотворное послание содержит именной акrostих, который возможно раскрывает имя автора грамматики (гипотеза А. А. Турилова): «*словіаном антоніи радоватнста прісно*» (л. 6). Имя Антоніи может указывать на двух известных книжников XVII в. – Антония Крылова и Антония Подольского, занимавших противоположные позиции в многолетней полемике об исправлении богослужебных книг, начало которой положила поправка в молитве на освящение воды, читавшейся в навечерие Богоявления. Антоний Крылов был книгохранителем библиотеки Троице-Сергиевого монастыря, участвовал вместе с Арсением Глухим и Иваном Наседкой в исправлении богослужебных книг, предпринятом в 1615-1618 гг. Дионисием Зобниновским, а с 1620 г. по 1628 г. служил справщиком на Московском Печатном дворе [Словарь 1992: 88-89; Николаевский 1890: 440-441, 446; Казанский 1848: 1-26]. Антоний Подольский известен как автор стихотворных посланий, ритор и полемист, ут-

² Например, в рамках данной традиции упоминается притча о талантах и в сочинении «*Нѣкоего вopросншагw <...> Мадѣма йнока стѣла горы...*», изданного в Грамматике 1648 г.

³ Интересно, что в другом сборнике начала XVII в. (РГБ, ф. 299, собрание Н. С. Тихонравова, № 336) фрагмент этого предисловия, оформленный как законченное сочинение, следует именно за Предисловием Иоанна Экзарха Болгарского и Посланием Иоанна Дамаскина: «*Іуанна прѣвиттера еѣкарха волгарска. предисловіе книзе филосоустей. Отго іуанна дамаскина*» (л. 118-123), «*Послание ст҃аго іуанна дамакина. Ко ѿже во стѣхъ ко^мѣ сищенномѣ епѣ^р маиѹмскомѣ*» (л. 125-204 об.), «*Предисловіе книзѣ гл҃емей грам^матичѣ*» (л. 205-206 об.) [см. Грамматический сборник 2002]. Таким образом, оказывается, что Предисловіе имеет традицию самостоятельного бытования и функционально соотносится с известными авторитетными сочинениями.

верждавший, что «никто совершенно против него грамматики и диалектики в России не знает» [Словарь 1992: 91-94; Успенский 2002:381]. Примечательно, что в стихотворных посланиях Антоний «задавал» свое имя в аббревиатурах **АПІВѢГІ**, сопровождавших заглавия сочинений, или в именном акростихе: «священному иерею семиону федо/р/овичю в настоящих присно радоватися недостойный сын духовныя твояе паствы онтонко подолской благословения просит и челом биет» [Виршевая поэзия 1989: 395]. Для нашего исследования важно отметить, что Иван Наседка, подготовивший к изданию редакцию грамматики Смотрицкого, в богословских спорах был соратником Антония Крылова и противником Антония Подольского (см.: Опарина [1998: 36-46]). Поскольку пока «именная атрибуция» носит гипотетический характер, далее мы говорим об «авторе рукописной грамматики».

Итак, если предположить, что сопутствующие рукописной грамматике тексты являются предисловием, то по своему характеру и установкам они занимают промежуточное положение между предисловиями к грамматикам Зизания и Смотрицкого и предисловием к московской печатной грамматике. Грамматика Зизания и Смотрицкого открывались обращенными к ученикам или учителям авторскими текстами, в которых формулировалась «прагматическая» роль грамматики – «дѣбре писати и дѣбре читати» (л. IV об.). Предисловие к московской грамматике представляло собой последовательность эксплицитных цитат из авторитетных текстов – канонических, догматических, агиографических, полемических и грамматических, которые обосновывали «семантическую» роль грамматики – «ѡбра³ любов⁴рїа <...> нскати» (л. 1). Предисловие к рукописной грамматике включало тексты авторской и авторитетной направленности, которые объясняли «семантическую» роль грамматики. По жанрово-композиционным признакам и по некоторым книжным приоритетам предисловие к московской печатной грамматике совпадает с предисловием к рукописной грамматике: вступительные тексты получают название «предислѡвіе», тексты расположены в определенной последовательности – от текстов «о грамматике» к тексту «самой грамматики», цитируются одинаковые фрагменты из Послания Иоанна Дамаскина епископу Козьме Маюмскому и из «Сказанія о седми свободныхъ мудростехъ» (л.18 об., л. 41). Собственно грамматическая часть обнаруженной рукописи включает орфографию, морфологию («этимологию») и начало синтаксиса. Наиболее детально разработанным и оригинальным является морфологический раздел, что принципиально отличает эту грамматику от современных ей трактатов, посвященных орфографическим проблемам⁴.

⁴ Показательным примером является анонимный трактат «Книга гл҃маѡ гр҃матїка по ѡзыку словенскѡ», написанный в Московской Руси около 1620 г. и содержащий критику орфографических норм, которые предлагал «лаврѣнтїй зизанїй во своѣй гр҃матїцѣ», а также связанный с ним трактат «Книга гл҃маѡ вѣквы гр҃матїчнаго оучѣнїа»; эти сочинения находятся в сборнике, содержащем и «Предислѡвіе книзѣ гл҃мѣѡй гр҃матїцѣ» (лл. 205-206 об.) (см.: Грамматический сборник [2002]).

Лингвистическая рефлексия автора наиболее последовательно реализуется при описании «имени», причем это касается как схемы описания, так и языкового материала.

Имя определяется автором грамматики как «часть ѿстиннословїа склоняемая, еже ко^еждо вещи нареченїе ѿ именованїе павляе^т» (л. 27 об.).

Метаязыковые представления автора грамматики проявились во всех позициях описания, в которых традиция предоставляла выбор – в лексико-грамматических, грамматических и словообразовательных.

Так, в славянской грамматической традиции конкурировали две лексико-грамматические оппозиции: в трактате «*Ѡ ѡсмихъ чѧстѣхъ слѡва*» имя разделялось на «*ѡбще*» и «*сѡбное*», а в грамматиках Зизания и Смотрицкого имя получало характеристику «*нарицательное*» или «*собственное*». Автор рукописной грамматики следовал трактату «*Ѡ ѡсмихъ чѧстѣхъ слѡва*» и даже дополнял трактат: он разделил имя на «*ѡбще*» и «*осѡбное*», дал толкование каждой рубрики и расширил, по сравнению с трактатом, состав примеров.

«*Ѡ ѡсмихъ чѧстѣхъ слѡва*»:

<...> ова оуѡ именованїа павляю^тса ѡбща всемоу е^ствѣ, ѡва же сѡбна ко^емоуждо съста^{во}у, ꙗко се в моужскомъ имени всемоу к^ств^ств^оу ѡбще и^ма е^стъ чѧкъ, сѡбное же съста^{во}мъ Пѣтръ, Павель, в женьскомъ же ѡбще всемоу е^ствѣ и^ма е^с жена, сѡбное же съста^{во}мъ Варра, Анна, в среднемъ же имени ѡбще всемоу е^сте^ствѣ и^ма е^с соу^сщество, сѡбное же съста^{во}мъ нѡво, дрѣвѣ, желѣзо [48]

рукописная грамматика:

Суть^{же} и^мя сѡг^дво ѡбще и ѡсобное. ѡбще и^мя е^стъ еже едины^и именованїемъ ѡбщїа и безвѣстныя вещи знаменуетъ, ꙗко с^существо, е^стество, гра^д, животно, чѧкъ, древо, Ѡцѣ, црѣ и прочїа. ѡсобное же и^мя е^стъ е^{же} коюждо ве^ст^и или лице составное снї речь свѡйствено нарицаетъ и Ѡ прочїхъ Ѡл^учена павляетъ, ꙗко желѣзо, тепло, Византїя, Пѣтръ, павель, кипарїс и прочїа [л. 27 об.-28].

Выбор автора рукописной грамматики мог быть поддержан тем, что оппозиция «*ѡбще*» // «*осѡбное*» демонстрировала связь грамматики и богословия, поскольку противопоставление имен, представленное в грамматическом трактате, становится понятным и обоснованным в контексте размышлений Иоанна Дамаскина о категориях сущность (соу^сщество) и ипостась (сѣта^въ) (о соотношении грамматического трактата и богословского трактата см.: Keipert [1999]). При этом интертекстуальные связи между богословским трактатом и грамматическими сочинениями поддерживались посредством ключевых примеров: Богословие Иоанна Дамаскина – «соу^сщество <...> чѧкъ <...> сѣта^въ

<...> *петръ, павелъ*» = трактат «*Ѡ ѡсмнхъ чѡстѣхъ слѡва*» – «*въсемоу кстьствоу ѡвще ѡма ёсть чѡкъ, собное же съставомъ Пѣтръ, Пѡвелъ*», рукописная грамматика – «*овщеё ѡмя <...> чѡкъ <...> осовное имя Пѣтръ, павелъ*» [Запольская 2007].

В собственно грамматической систематизации различия касались состава членов грамматических категорий рода и падежа. В трактате «*Ѡ ѡсмнхъ чѡстѣхъ слѡва*» род был представлен как трехчленная категория, включающая мужской, женский и средний род. Зизаний добавил к базовой классификации «общий» род и отметил как некую особенность «*нѣиз ѡвѣстнаѡ ѡмена*», т.е. существительные *Pluralia tantum* (лл. 23, 39 об.). Смотрицкий довел число родов до семи, добавив «*всакий*» род, «*недоумѣнный*» род и «*прѣобщи*» род (л. 25 об.). Автор рукописной грамматики «исправил» классификацию Зизания, предложив для «*нѣиз ѡвѣстныхъ ѡменъ*» особый род, т.е. зафиксировал род как пятичленную категорию: «*Суть же родѡвъ во ѡмени пѡтъ, мужескій, женский, средній, овщи, неовѣстны*» <...> *Неовѣстны* же ро^а, в нем же неовѣстныя вещи зрятся, тако *врата, сани, уста, ѡстна* и прѡчая» (лл. 28-28 об.). Категория падежа была представлена в трактате «*Ѡ ѡсмнхъ чѡстѣхъ слѡва*» пятипадежной, в грамматике Зизания – шестипадежной, а в грамматике Смотрицкого – семипадежной парадигмой, ориентированной именно на славянский языковой материал. Автор рукописной грамматики следовал Смотрицкому и выделял падежи «*ѡменоны*» или «*ѡментелны*», родной, дателны, винтелны, звателны, творителны, сказателны» (л. 33).

Склонение имен, которое понималось как изменение по падежам, было представлено в грамматических сочинениях разным набором классов, в основу дифференциации которых были положены разные критерии.

В грамматическом трактате «*Ѡ ѡсмнхъ чѡстѣхъ слѡва*» склонение как отдельная рубрика не выделялось, были заданы только соответствия между родом и характером «окончания» в И. ед., при этом «окончание» понималось как конечный графический элемент слова: м. р. -ъ (*чѡкъ*), ж. р. -а (*жена*), ср. р. -о (*естество*), ж. р. -ь (*соль*), ср. р. -е (*слнце*), ж. р. -и (*мати*), м. р. -и (*ками*) (48).

Зизаний предложил 10 типов склонения, дифференциация которых была мотивирована родом и характером «окончания» в И. ед.: 1 тип – имена сущ. м. р. на ѡ (*бѣтъ*), 2 тип – имена сущ. ж. р. на ѡ, ѡ (*нощъ, кѡстъ*), 3 тип – имена сущ. ср. р. на а, о, ѡ (*нево, отрѡча, времѡ*), 4 тип – имена сущ. м. и ж. р. на а (*Лѡка, дѣва*), 5 тип – имена сущ. м., ж., общего р. на а, ѡ (*пѡница, сѡдѡ*), 6 тип – имена сущ. м. р. на ѡ, ѡ и ср. р. на е (*сѣверъ, кѡнь, мѡре*), 7 тип – имена прилаг. м. и ср. р.: (*сѣый, сѡе*), 8 тип – имена сущ. и прилаг. ж. р. на и, ѡ, ѡ (*мати, дѡцѣръ*,

сѣ́ла), 9 тип – имена сущ. *Pluralia tantum*, 10 тип – имена сущ. м. р. на ой, ей (*Ной, ѿерей*), особое замечание касалось числительных: «числі́телънаѧ́ и́мена соугъ́ ино скланѧ́емаѧ́» (лл. 26-41 об.).

Смотрицкий сократил число склонений до 5 типов, выделение которых было основано на лексико-грамматическом значении, родовой принадлежности и характере парадигмы. По признаку значения оказались дифференцированы склонения существительных (1-4 типы) и склонение прилагательных и числительных (5 тип). У существительных склонения различались в зависимости от родовой принадлежности и характера парадигмы: 1 тип – сущ. м., ж., «общего» и «всякого» р. на а, ѡ, и (*ѿйна, двѧ мрежа, юноша, стѧна или стѧни*), 2 тип – сущ. м., ср., «общего» и «всякого» р. на ѡ, о, ѡ, е (*клеврѣтъ, сердце, и́мѧ, слово*), 3 тип – сущ. ж. р. на ѡ (*мѧтерь*), 4 тип – сущ. м. и «общего» р. на ѡ, ай, ей, ѿй, ой, ѿй, ѡй, ѡ, ср. на ѿе (*пѧстырь, ходотѧй, ѿерей, мрѧвій, знѧй, крагѧй, любодѧй, древодѧѧ, знѧменіе*) (лл. 32-73 об.).

Автор рукописной грамматики предложил «гибридную» классификацию, соединив диагностические признаки разных словоизменительных схем. Он представил 10 типов склонения, дифференциация которых была мотивирована лексико-грамматическим значением и характером «окончания» в И. ед. По признаку значения книжник разделил склонения существительных (1-7 типы, 10 тип), склонение прилагательных (8 тип) и склонение числительных (9 тип). У существительных склонения различались в зависимости от характера «окончания» в И. ед.: 1 тип – сущ. м., ж., ср. и «общего» р. на а (*Лѡка, рѡка, мрежа, юноша*), 2 тип – сущ. ср. на е (*лице, море*), 3 тип – сущ. м., ж. р. на и, ѿй, ей, ѡй, ай, ой, ѿй (*антоній, ѿерей, ходата, мати, дщи*), 4 тип – сущ. ср. на о (*слово*), 5 тип – сущ. м., ж. р. на ѡ (*чѧкъ, другъ, пещъ, ноцъ, гражданинъ*), 6 тип – сущ. м., ж., р. на ѡ (*гѡдь, црь, соль, тростъ*), 7 тип – сущ. ж., ср., «общего» р. на ѡ (*стѧня, ѿмя*), 10 тип – сущ. «неизвестного» рода (*ѡста*) (лл. 33 об.-45). Примеры, иллюстрировавшие именное словоизменение, также были заимствованы из разных источников: «соль, тростъ» («ѡ ѡсмихъ чѧстѣхъ слѡва»), «Лѡка, рѡка» (Зизаний), «мрежа, юноша» (Смотрицкий). Среди примеров, не восходящих к известным источникам, примечательно имя *Антоній* (*Ной* у Зизания), которое может указывать на имя автора грамматики.

Максимальную сложность для славянских книжников представляла категория «вида», поскольку в греко-латинской традиции «вид» разделялся на «вид» «словообразовательный» и «вид» «семантический» [Античные теории 1996: 128]. «Вид» как словообразовательная категория реализовал оппозицию непроизводные // производные слова и разделялся на разряды, демонстрировавшие формально-семантические отношения между производящими и производными основами. «Вид» как лексико-семантическая категория представляла собой совокупность лексико-семантических разрядов имен собственных и имен нарицательных.

Зизаний и Смотрицкий вводили в свои грамматики «вид» как словообразовательную характеристику имен: они выделяли два «вида» – первообразный и производный, в свою очередь производный разделялся на «отечественный, властелин^ный, языческой, глагольный, штименный, оумалительный» (Зизаний = Смотрицкий), отчищен^ный или притяжате^ный, оуничижительный (Смотрицкий).

Автор рукописной грамматики попытался в одной классификации представить «вид» и как словообразовательную, и как лексико-семантическую характеристику: «Видъ есть во имени, имже зри^тся сирѣчь разумѣвается кождо имя, еже како радѣляется и что знаменуетъ и почесому кая*до вещь нарицается» (л. 29). Основу классификации составила словообразовательная оппозиция «видов» – первообра^зны^и//прон^зводны^и. Внутри исходной оппозиции каждый из «видов» разделялся на разряды, актуализировавшие словообразовательное или лексическое значение. Производны^и видъ включал четыре «подвида»: прилагамы^и (нѣны^и), пристоящ^и (члѣски^и), ѿчѣски^и (Ивановичъ), присовукѣпителны^и (Петровъ). Первообразны^и видъ включал два «подвида»: состоятелны^и и несостоятелны^и, каждый из которых разделялся на лексико-семантические разряды. Несостоятелны^и видъ был представлен двумя разрядами: сѣществены^и (дхъ) и ѿсѣществены^и (случи^и). Семантический объем состоятелнаго вида определяли двадцать пять разрядов:

Сѣть же первообразнаго состоятелнаго вида именованія сѣя <...> сѣществена (небо), звателная (Петръ), преименователная сирѣчь ино^тская (Пиминъ), прозвателная или пореклая (Милошъ), властная (гдъ), по^властная (ра^в), чиновная (архierei), земопредѣльная (москвит^н), дѣиственная (ковачъ), зritelная (сѣщество), художественная (книжни^и), собирателная (сони^и), сродная (ѿцъ), присвойная (са^т), соперная (сѣпоста^т), ѿкорителная (юро^в), возрастная (младенец), частная (гльва), ѿсецательная (постре^т), мѣстная (стадїя), временная (мѣсець), премененія (до*дъ), числительная (два) или сугубствующая (двое), оумалительная (златоусте^н), оучинительная (в сихъ зрятся различнохудожная дѣиствїя <...>) (л. 29-30 об.).

Многоуровневость систематизации привела к тому, что происходило нарушение дифференцирующих признаков, которое проявлялось в объединении в рамках первообразнаго вида непрозводных и производных слов. Предложенная автором грамматики классификация безусловно обнаруживает зависимость от греко-латинской традиции, но, как кажется, не является точным соответствием⁵.

⁵ Ср. обусловленное влиянием греческой грамматики братьев Лихудов тождество славянской и греческой модели «видов» в грамматическом трактате Ф. Поликарпова «Технологїа» 1725 г. [Поликарпов 2000: 283].

Реконструкция метаязыковой рефлексии автора рукописной грамматики показала, что на уровне схемы описания «имени» он действительно выполнил задачу «и^збравъ ѿ многи^х воедино совокупивъ <...> написати <...> гра^мматикѣ» и предложил тем самым новый, по отношению к грамматикам Зизания и Смотрицкого, стандарт описания. Московские книжники Наседка и Рогов на уровне схемы описания следовали Смотрицкому.

Языковая рефлексия автора рукописной грамматики, как и языковая рефлексия других книжников, принадлежавших культурно-языковому пространству *Slavia Orthodoxa* [Пиккио 2003: 3], была направлена на поддержание «правильности» церковнославянского языка, которая достигалась посредством решения проблем формальной недостаточности и избыточности, т.е. разноуровневой омонимии и синонимии (см.: Запольская [1998; 2003; 2008]). Особую важность в рамках конфессиональной культуры приобретал вопрос снятия омонимии, поскольку слова и формы в богослужбных и библейских текстах, по которым созидалась жизнь верующих, должны были обладать ясностью. Соответственно, языковая рефлексия славянских книжников была направлена в первую очередь на слова и формы, которые «два разѹма содержатъ». Снятие омонимии было возможно двумя способами – орфографическим, основанным на дистрибуции графических элементов, и грамматическим, предполагавшим включение в состав средств выражения неомонимичных формантов, что приводило к пересечению проблем омонимии и синонимии. При этом книжники могли соотносить разные способы снятия омонимии с разными видами омоформенности: в рамках именного словоизменения числовая омонимия снималась по преимуществу орфографическими средствами, а падежная омонимия – грамматическими средствами.

Особое внимание славянские книжники уделяли омонимии по числу, поскольку в грамматико-риторической традиции классических языков непременным признаком «правильности» языка считалось «правильное обозначение множественного и единственного числа» [Аверинцев 1996: 385]. Основным орфографическим средством снятия числовой омонимии являлось противопоставление дублетных букв, т.е. славянские книжники «разѹмѣли единство и множество писменами»: о, ѿ, ѹ / ѡ, Ѣ, оу, а также ѣ, и, а / ѣ, ы, ѡ после т или т' непарных (см.: Успенский [2002: 326-328]). Базовой позицией, в которой реализовывалось противопоставление ед. и мн. числа, являлось «окончание», т.е. конечный графический элемент (или элементы) слова, который мог совпадать или не совпадать с реальной флексией. При невозможности графической дистрибуции в «окончаниях» славянские книжники применяли этот принцип и в основах. Использование орфографического способа для разрешения числовой омонимии было мотивировано ориентацией на греческую модель, в рамках которой буквы о/ѡ маркировали формы ед. и мн. числа. Однако, несмотря на расширение состава и условий реализации дублетных букв на славянском материале, использование только их в качестве «числовых» показателей не могло привести к последовательной и единообразной дифференциации граммати-

ческих форм. По этой причине славянские книжники пытались наделить смыс- лоразличительными функциями и другие графические средства: надстрочные знаки (оксия или вария // камора), а также строчные и прописные буквы. При невозможности последовательного устранения числовой омонимии орфогра- фическим способом книжники использовали и грамматический способ. Разные способы и средства снятия числовой омонимии книжники демонстрировали в омонимичном ряду **И. ед. = Р. мн. у имен м. р. с основой на t**, поскольку конеч- ный графический элемент **-ъ** не давал возможности использовать оппозицию дублетных букв в «окончании».

Зизаний устранял омонимию орфографическим и грамматическим спосо- бом, вводя в **Р. мн.** на правах вариантов неомонимичное «окончание» **-ѡвѣъ** и омонимичное «окончание» **-ъ**, при наличии которого в основах реализовалась оппозиция букв **о/ѡ**:

(о)-ъ / -ѡвѣъ, (ѡ) -ъ
Бѡгъ / Бѡгѡѡ, бѡѡ; Члкъ / члкъѡвѣъ, члѡвѣкъ; Снѣгъ / снѣгѡѡ, снѣгъ
 (лл. 26 об.-27 об.).

Смотрицкий также снимал омонимию орфографическим и граммати- ческим способом, однако он ограничивал сферу реализации грамматических средств, расширял состав графических средств и вводил принцип дифференци- ации «окончаний». Набор «окончаний» в **Р. мн.** был мотивирован структурой слова: для односложных имен на правах вариантов вводились «окончания» **-ѡвѣъ** и **-ъ**, а для многосложных имен нормативным являлось только «оконча- ние» **-ъ**. При наличии «окончания» **-ъ** у односложных имен омонимия после- довательно снималась противопоставлением надстрочных знаков и возможным противопоставлением букв **о/ѡ** в основе, у многосложных имен омонимичность компенсировалась возможным противопоставлением не только букв **о/ѡ**, но и букв **ѡ/Ѣ** в основе:

(', ѡ) -ъ / -ѡвѣъ, (ѡ, ѡ) -ъ (односложные сущ.)
дрѡгъ / дрѡгѡвѣъ, илѣ дрѡгъ, грѣхъ / грѣхѡвѣъ илѣ грѣхъ, снѣ / снѣ / сынѣ илѣ сынѡвѣъ, дѡмъ / дѡмѡвѣъ илѣ дѡмъ <... > (лл. 46-57 об.),
 (о)-ъ / (ѡ) -ъ, (ѡ) -ъ / (Ѣ) -ъ (многосложные сущ.)
ѡродъ / ѡрѡдъ, прорѡкъ / прорѡкъ (лл.), клеѡрѣтъ / клеѡрѣтъ, ѡрѣмъ / ѡрѣмъ, ѡтѣць / ѡтѣць, чѡанецъ / чѡанецъ <... >
 (лл.43-48об.).

Автор рукописной грамматики использовал только орфографический спо- соб, признавая нормативным «окончание» **-ъ**, при котором омонимия устраня- лась возможным противопоставлением в основе не только букв **о/ ѡ**, но и букв **ѡ/ Ѣ**:

Московскими книжниками Наседкой и Роговым была воспроизведена и в этом случае схема распределения окончаний, представленная Смотрицким.

Особую формальную сложность представляли грамматические позиции, в которых пересекались проблемы омонимии и синонимии, представленной у имен разного грамматического рода. В таких сложных формальных условиях книжники должны были решать ту проблему, которая являлась для них наиболее важной. Максимальную формальную сложность представлял омонимичный ряд Р. ед. = И. (Зв.) мн. = В. мн. у имен м. и ж. рода с основой на шипящие и ц.

Смотрицкий предлагал схему, по которой сущ. на шипящие и ц получали в указанных грамматических позициях формальное различие по роду, что в свою очередь определяло снятие или допущение числовой и падежной омонимии. Так, для имен м. р. нормативными признавались окончание -и в Р. ед., И. (Зв.) мн. и окончания -ы, -ѧ в В. мн. Предложенное Смотрицким формальное обособление В. мн. позволяло у имен м. р. снимать омонимию и по числу, и по падежу: Р. ед. / В. мн. – орфографический способ -и / -ы, И. (Зв.) мн. / В. мн. – грамматический способ -и / -ѧ, -ы. Кроме того, посредством введения вариантных окончаний -ы, -ѧ в позиции В. мн. возникало формальное тождество имен м. р. с основой на шипящие и ц, принадлежавших к разным типам склонения, а также устанавливалось тождество формальных средств снятия омонимии: И. (Зв.) мн. / В. мн. -и (юноши) / -ы, -ѧ (юношы, юноша) = -и (отци) // -ы, -ѧ (отцы, отца). Имена ж. р. на шипящие и ц получали во всех указанных позициях окончание -ѧ, т.е. лишались возможности снятия омонимии:

-и / -ы, -ѧ (сущ. м.р.)
 ѳноши, ѳноши / ѳношы и ѳноша,
 -ѧ (сущ. ж. р.)
 Мрѣжа, Мрѣжа, Мрѣжа (лл. 36 об.-37).

Автор рукописной грамматики изменил схему Смотрицкого: он устранил формальные различия по роду у сущ. на шипящие и ц и связал возможность снятия омонимии только с характером основы. Так, сущ. на шипящие и ц вне зависимости от рода получили в Р. ед., И. (Зв.) мн. окончание -и, а в В. мн. на правах вариантов окончания -я, -и, что позволяло снять грамматическим способом числовую и падежную омонимию, т.е. из вариантных окончаний -ы, -ѧ, предложенных Смотрицким, было выбрано окончание -ѧ:

-и / -и, -я (сущ. м. и ж.р.)
 юноши, юноши / юноша, ши = мрежи, мрежи / мрежа, жи (лл. 36-36 об.).

Московские книжники Наседка и Рогов предложили схему, совпадающую по основным установкам со схемой автора рукописной грамматики: они также устранили формальные различия по роду у сущ. на шипящие и ц и связали возможность снятия омонимии с характером основы. Различия касались набора

формантов в **В. мн.** и тем самым средств и характера снятия омонимии. Так, для сущ. на шипящие и ц окончание **-и** стало нормативным только в **Р. ед.**, **И. (Зв.) мн.**, а в позиции **В. мн.** эти сущ. вне зависимости от рода получили окончание **-ы**, посредством которого и снималась омонимия, т.е. из вариантных окончаний **-ы**, **-ѧ**, предложенных Смотрицким, было выбрано окончание **-ы**. Окончание **-ы** осталось единственным показателем **В. мн.** и у сущ. м.р. типа «**отецъ**», тем самым установилось формальное тождество сущ. всех родов с основой на шипящие и ц, принадлежавших к разным типам склонения, а также тождество формальных средств снятия омонимии: **И. (Зв.) мн. / В. мн. -и (юноши, мрежи, овци) / -ы (юношы, мрежи, ѡвцы) = -и (отци) / -ы (отцы):**

-и / -ы (сущ. м. и ж.р.)

юноши, юноши / юношы = мрежи, мрежи / мрежи (лл. 98-99 об.).

Разное отношение к проблеме формальной недостаточности и избыточности книжники демонстрировали и по отношению к отдельным лексемам, которые обладали особой идеосемантикой, явившейся результатом процесса «христианизации» языка [Топоров 1995: 429], т.е. процесса наложения на буквальные смыслы смыслов сакральных. На грамматическом уровне «христианизация» языка проявлялась в идеосемантической спецификации грамматических вариантов, т.е. в характеристике вариантов в рамках оппозиции «сакральное // профанное». Сакральную субграмматику формировали имена и глаголы, правильное понимание лексической и грамматической семантики которых определяло правильное понимание основных богословских положений (см.: Успенский [1997: 363-388]). Доминирующий в христианской культуре вопрос о возможности познания человеком Бога определил значимость вопроса именуемости Бога, соответственно, в этом познавательном контексте лингвистическая рефлексия была направлена на раскрытие, сохранение и трансляцию идеосемантики собственных библейских имен [Запольская 2007; 2008]. Идеосемантическую нагруженность получало существительное *Слово*, когда обозначало Бога Сына, т.е. приобретало функцию имени собственного. Согласно богословскому толкованию, Бог Сын называется *Словом* потому, что относится к Отцу, как слово к уму, не только по бесстрастному рождению, но и по соединению с Отцом и потому что являет Его. Соответственно, языковая рефлексия книжников была направлена на проблему формальной дифференциации имени собственного и имени нарицательного. Славянские книжники использовали для регламентации употребления *Слова* как имени собственного и *слова* как имени нарицательного грамматические параметры – вариантные парадигмы и особые окончания. Так, собственное имя получало формы косвенных падежей без элемента **-ес-**, а нарицательное имя употреблялось в косвенных падежах с элементом **-ес-** (см.: Успенский [2002: 38]). В грамматических позициях **В. ед.** и **З. ед.**, в которых происходила нейтрализация парадигм, поскольку употреблялись только формы без **-ес-**, допускалось расширение состава нормативных формантов. Смотрицкий пред-

ставлял для лексемы «слово» нормативную парадигму ед. числа с элементом -ес-, однако сопровождал ее примечанием, в котором предлагал особое правило склонения имени собственного: в В. ед. наряду с окончанием -о допускалось окончание -а, в З. ед. наряду с окончанием -о допускалось окончание -е. При этом Смотрицкий толковал окончания -а, -е как показатели м. р., что позволяло, во-первых, рассматривать Слово в одном грамматическом ряду с именами Гѣдь/ Бѣгъ/ Сѣцъ / Бѣнъ/ Дѣхъ С: Тѣ/ хѣ/ Бѣсѣ и, во-вторых, демонстрировать грамматическое тождество греческого и церковнославянского языков: «Слѣво: ѣгда превѣчное Бѣга Сѣца Слѣво знаменѣтъ/винителный ѣ звѣтелный свѣзѣвъ приѣлетѣ, сі естѣ срѣдня рѣда ѣ мъжеска/ Слѣво ѣ Слѣва: Слѣво/ ѣ Слѣве» (л. 53). Автор рукописной грамматики представлял без объяснения для лексемы «слово» варианты парадигмы ед. числа, т.е. без элемента -ес- и с элементом -е-, при этом в В. ед. он приводил только окончание -о, а в З. ед. только окончание -е, выделяя тем самым форму молитвенного обращения к Богу: «слово; слова, словесе; слову, словеси; слово; слове; словомъ, словесемъ; словѣ, словеси» (л. 39).

Реконструкция языковой рефлексии автора рукописной грамматики показала, что он стремился последовательно снимать и омонимию, и синонимию, в чем принципиально расходился с Зизанием и Смотрицким, которые, снимая омонимию, сохраняли синонимию, отдавая предпочтение либо вариативности (Зизаний), либо дифференциации форм (Смотрицкий). Московские книжники Наседка и Рогов, снимая омонимию, лишь ограничивали синонимию, совпадая в этих случаях с автором рукописной грамматики.

Итак, проведенное исследование позволяет утверждать, что автор рукописной грамматики продемонстрировал особый стандарт описания и особую стратегию поддержания «правильности» церковнославянского языка. Следовательно, обнаруженная грамматика подтверждает мысль о том, что ценность лингвистического описания определяется не только зафиксированным языковым материалом, но и реализованной лингвистической рефлексией, поскольку «представления носителей языка о том, каким должен быть язык имеют перво-степенное значение для истории литературного языка – они дают ключ к интерпретации языкового материала» [Успенский 1985: 9].

Литература

- АВЕРИНЦЕВ 1996 - С. С. Аверинцев, *Риторика и истоки европейской литературной традиции*, М.
- АНТИЧНЫЕ ТЕОРИИ 1996 - *Античные теории языка и стиля*, СПб. (Античная Библиотека. Исследования).
- ВИРШЕВАЯ ПОЭЗИЯ 1980 - *Виршевая поэзия (первая половина XVII века)*. Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии В. К. Былинина, А. А. Илюшина, М.
- ГРАММАТИКА 1648 - *Грамматика*, М.
- ГРАММАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2002 - *Грамматический сборник 1620 г.*, издание и исследование Е. А. Кузьминовой, Napoli.
- ДИАНОВА 1989 - Т. В. Дианова, *Филигрань "кувшин" XVII в.*, М.
- ЗАПОЛЬСКАЯ 1998 - Н. Н. Запольская, "Модели «общеславянского» литературного языка XVII-XIX вв.", в изд. *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*, М., 267-295.
- ЗАПОЛЬСКАЯ 2003 - Н. Н. Запольская, "Общий" славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии, М.
- ЗАПОЛЬСКАЯ 2007 - Н. Н. Запольская, "Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры", в изд. *Имя. Семантическая аура*, М., 137-150.
- ЗАПОЛЬСКАЯ 2008 - Н. Н. Запольская, "Грамматика и субграмматика славянских литературных языков: теория и история норм", в изд. *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сентября 2008 г.*, М., 199-224.
- ЗИЗАНИЙ 1596 - *Грамматика словенска. Съвершенна искусство осми частей слова и иных нужных. Новш съставлена Л.З.* (репринт: Лаврентий Зизаний, *Грамматика словенска*, Київ, 1980).
- КАЗАНСКИЙ 1848 - П. Казанский, "Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете", *ЧОИДР* 8, 1-26.
- КАРТАШЕВ 1991 - А. В. Карташев, *Очерки по истории русской церкви*, т. II, М.
- НИКОЛАЕВСКИЙ 1890 - П. Ф. Николаевский, "Московский печатный двор при патриархе Никоне", *Христианское чтение*, ч. 2.
- ОПАРИНА 1998 - Т. А. Опарина, *Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии*, Новосибирск.
- ОПИСАНИЕ 1973 - *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)*, ч. II, № 820-1051, М.
- ПИККИО 2003 - Р. Пиккио, *Slavia Orthodoxa: литература и язык*. Отв. редакторы Н. Н. Запольская, В. В. Калугин, М.
- ПОЛИКАРПОВ 2000 - Федор Поликарпов, *Технологія. Искусство грамматики*. Издание и исследование Е. Бабаевой, СПб.
- СЛОВАРЬ 1992 - *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 3 (XVII в.), ч. 1 (А-З), СПб.

- СМОТРИЦКИЙ 1619 - *Грамматики Славѣнския правнаго Сѣнтагма Мелетїа Смотрискогѡ. В Сѡе.* (репринт: М. Смотрицкий, *Грамматика*, Київ, 1979).
- ТОПОРОВ 1995 - В. Н. Топоров, *Святость и святые в русской духовной культуре. Т I: Первый век христианства на Руси*, М.
- УСПЕНСКИЙ 1985 - Б. А. Успенский, *Из истории русского литературного языка XVIII-начала XIX века*, М.
- УСПЕНСКИЙ 1997 - Б. А. Успенский, *Избранные труды*, т. III, *Общее и славянское языкознание*, М.
- УСПЕНСКИЙ 2002 - Б. А. Успенский, *История русского литературного языка*, М.
- ЯГИЧ 1896 - И. В. Ягич, *Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке*, СПб. (*Исследования по русскому языку, 1885-1895*, т. I, отд. вып.).
- KEIPERT 1999 - H. Keipert, "Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile", *Zeitschrift für slavische Philologie* 58/1, 19-42.